

Что есть такого особенного в стихах и рассказах Юрия Дмитриевича Дубатова? Правда! Чистая как высокое синее небо в пору бабьего лета, когда сибирская природа, как деревенская молодка, накинув на плечи горящий жаром полушалок, выходит на сельский круг и под разухабистую гармонь поёт ис-

кромётные частушки. И в тех незатейливых на первый взгляд куплетах, щедро сдобренных юмором, то и дело поблёскивают выкристаллизованные крупницы соли земли русской, что на сто один раз была полита слезами, потом и кровью простых тружеников. А ещё стихи и рассказы Юрия Дубатова наполнены сладкой горечью красных ягод рябины, хранимым и любимым деревом, не единожды воспетым русскими поэтами. Эстетам, вкушающим нектар высших сфер, способным отличить тончайшие нюансы сладкого сиропа, рябина придётся явно не по вкусу, а уж тем более сладковато-кислые ягоды калины. Оно и понятно! Далеко не каждый сможет выдержать убойно-резкий запах пареной калины, кислой капусты, щей, старого овчинного полушубка или рубахи-вязанки.

А Юрий Дмитриевич продолжает настойчиво вопрошать: «Кто мы? Что мы? Были иль не были...». С грустью и печалью вспоминает «ушедших друзей эскадрилью», «юность с печальной улыбкой», что «ушла в окровавленный век». Вспоминает и «батини военные рассказы», которые «наизусть выучил давно», потому что Юрий – сын той «рождественской ночи, / Которую помнил отец, / Он третьего сына пророчил, / Вернувшись с войны наконец». Да, Юрий Дмитриевич из поколения тех, чьё детство пришлось на трудное, голодное послевоенное время. Недаром он написал стихи «Ода российскому огороду» и «Ода картошке». «О, сколько ты насытил ртов голодных / И сколько спас, с Петровских тех времён» – воспевает Юрий Дмитриевич российский «картохан».

Но душа поэта вольно или невольно тянется к Сергею Есенину, чьи стихи Дубатов знает наизусть и может читать их бесконечно долго, как и стихи многих других поэтов. В книге есть стихотворение «Светлой памяти дочери С. Есенина и Зинаиды Райх», а также рассказ «И такой родимый, и такой далёкий» о мимолётной встрече Юрия Дмитриевича с Татьяной, дочерью Сергея Александровича, на Ваганьковском кладбище. Есть стихи-посвящения, как, например, «Светлой памяти поэта В. Ковшова», «Памяти Володи Шуляева», «Сергею Гейне». Есть и такие стихи, где Юрий Дубатов высказывает своё мнение о художниках Алексее Саврасове, Марке Шагале, о картине «Чёрный квадрат» Казимира Малевича.

Оглядываясь назад («фотография прошлого <...> все такие хорошие / И чему-то все рады»), поэт признаётся: «Тревожная память волнует меня». Почти в каждой строчке слышится сожаление о том, что «мы безнадежно устарели», «мы равнодушием убиты», «и сжимается сердце поэта, / Неужели всё было зазря...» Нет, не зря, Юрий Дмитриевич. Ваше слово останется в стихах, ведь Вы о главном сказали – «наяву и в сновидениях / Я – просто человеком был»!